

УДК 94

К 220- летию со дня рождения имама Шамиля

**К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В 20–50-е гг. XIX в.**

М.Р. Гасанов,

доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Дагестанского государственного педагогического университета, Махачкала

shamhalova.sonya@ yandex.ru

Аннотация: На основе анализа разнообразных источников и имеющейся литературы в статье раскрываются предпосылки борьбы горцев против колониальной политики царизма и местных правителей в 20–50-е гг. XIX в. В ней подчеркивается, что недовольство горцев вызывалось возведением на пахотных землях крепостей, устройством так называемых укрепленных линий с казачьими поселениями, постоянными мобилизациями местного населения на строительство дорог, крепостей, требованиями обременительных податей и выполнения тяжёлых повинностей, а также деятельностью назначенных в горские общества и владения царских приставов и комендантских управленцев, вмешивавшихся во внутреннюю жизнь горцев.

В статье говорится о жестоких репрессиях, применявшихся царскими чиновниками по отношению к недовольным горцам – это сожжение целых аулов, уничтожение посевов и запасов хлеба, истребление садов, что вызывало возмущение горцев и приводило к борьбе против царского гнета и местных феодалов.

В статье подвергается критике концепция М.М. Блиева, будто горцы жили набегами на своих соседей. Его тезис о том, что в первой половине XIX в. горцы переживали период разложения родовых отношений, не только не проясняет вопроса их борьбы в 20–50-е гг. XIX в., но и вносит путаницу в историю народов края.

В публикации подчеркивается, как местные власти, опираясь на царские штыки, жестоко угнетали рядовых горцев, отбирали у них последнюю лошадь или быка, последний пуд зерна в счет налога. В статье приводится материал о жестоком обращении Аслан-хана Кюринского и других владетелей со своими подчинёнными. Феодалы облагали население податями и повинностями по своему усмотрению, обогащаясь за счет прямого грабежа.

Ключевые слова: антиколониальная и антифеодальная борьба, Шамиль, горцы, предпосылки, присоединение, Дагестан, Северный Кавказ, репрессии, гнет, скот, Ермолов, Цицианов, феодалы, правители, царские колонизаторы.

To 220 - to the anniversary of the birth of Imam Shamil

**THE QUESTION OF THE PRECONDITIONS OF THE STRUGGLE
OF THE MOUNTAINEERS OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS
IN THE 20 – 50 YEARS OF THE XIX CENTURY**

M.R. Hasanov,

Doctor of historical Sciences, Professor of Dagestan state pedagogical University, Makhachkala

shamhalova.sonya@ yandex.ru

Abstract: the Article examines the preconditions of the struggle of the mountaineers Sevres-Eastern Caucasus in the 20–50-ies of the XIX century On the basis of analysis of sources and existing literature reveals the principal causes of the struggle of the mountaineers against the colonial policy of tsarism and the local rulers. It stresses that the dissatisfaction of the highlanders was caused by construction on arable land fortresses, device the so-called fortified lines with the Cossack settlements, permanent mobilization of the local population to build roads, fortresses, requirements, burdensome taxes and the heavy duties and activities assigned to mountain communities and possession of the king's officers and the commandant of managers to intervene in the internal life of the highlanders.

The article talks about the brutal repression used by the Royal officials in relation to the unhappy mountaineers - the burning of entire villages, destruction of crops and grain reserves, the destruction of the gardens – all this aroused the indignation of the mountaineers and led to the struggle against tsarist oppression and local feudal lords.

The article is subjected to criticism the concept of M. M. Bliev, if the mountaineers lived by raids on their neighbors. His thesis is that in the first half of the nineteenth century the mountaineers have experienced a period of expansion of tribal relations, not only clarifies the issue of their struggle in the 20–50 years of the XIX century, but also confuses the history of the peoples of the region.

The publication highlights how local authorities based on the Royal arms, brutally oppressed rank and file of the highlanders, were taken from their last horse or bull, the last under the grain in the tax bill. The article presents material about the ill-treatment of Aslan-Khan Kyurinsky and the other lords with their subordinates. The feudal lords levied a population with taxes and duties at its discretion, enriched by direct robbery. Therefore, according to the article, the idea of anti-colonial protest in the minds of the highlanders were merged with the anti-feudal aspirations.

Key words: anti-colonial, anti-feudal struggle of the highlanders, background, affiliation, Dagestan, North Caucasus, repression, oppression, land grabbing, cattle, Yermolov, Tsitsianov.

Среди множества вопросов, связанных с антиколониальной и антифеодальной борьбой горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма в 20–50-е гг. XIX в., важный интерес представляет освещение темы о ее социально-политических и экономических предпосылках.

Этой теме касались авторы XIX–XX и начала XXI вв. Из исследователей, в трудах которых затронута данная тема, следует отметить Н.И. Покровского, С.К. Бушуева, Р.М. Магомедова, А.В.Фадеева, Н.А. Смирнова, Х.-М. О. Хашаева, А.Д. Даниялова, В.Г. Гаджиева, Г.-А.Д. Даниялова, Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова, Г.Г. Гамзатова, М.А. Абдуллаева, А.М. Халилова, Ю.У. Дадаева, Ш.А. Гапурова, Ш.Б. Ахмадова, Я.З. Ахмадова и др. Тема раскрыта и в обобщающих трудах «Очерки истории Дагестана», «История Дагестана», «История народов Северного Кавказа», в монографических исследованиях и тематических сборниках.

В трудах авторов XIX в. горцы именовались не иначе, как «извергами», «изуверами», «дикими хищниками», «шайками мятежных сообщников», «скопищами необузданных варваров» и т.д.

Односторонность и неполнота этих официальных документов требуют обращения к местным источникам: «Три имама» Магомед Тагира ал-Карахи, «Сказание очевидца о Шамиле» Гаджи-Али и др. Весьма ценный материал содержится в сборниках документов, извлеченных из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси и т.д.

Определенный интерес представляют материалы, принадлежащие западноевропейским послам, консулам и путешественникам. История народов Северного Кавказа, как и история остальных народов России, старой буржуазно-помещичьей историографией рассматривалась лишь постольку, поскольку события, составляющие эту историю, касались интересов только царизма. В наше время взглядов дворянско-буржуазных авторов о предпосылках борьбы горцев против колониального режима придерживаются М.М. Блиев, В.В. Виноградов и др.

Не претендуя на исчерпывающее изучение темы о предпосылках борьбы горцев против царизма, остановимся на некоторых из них.

В 1813 г. в Гюлистане был подписан договор между Россией и Персией, по которому Персия отказывалась в пользу России от претензий на земли Дагестана. Присоединение Дагестана к России объективно создавало благоприятные условия для развития экономики и культуры народов края, но не привело, да и не могло привести к социальному освобождению горцев. В этот период сам русский народ изнывал под гнетом самодержавия, а народы окраин подвергались еще большему угнетению.

А.В. Фадеев, подчеркивая объективно-историческую прогрессивность присоединения народов России, отмечает: «Догматическое восприятие тезиса о прогрессивном значении присоединения нерусских народов к России может привести к затушевыванию жестокостей и мерзостей национально-колониальной политики царизма, к забвению того, что царская Россия была тюрьмой народов» [16, с.130]. Недовольство горцев вызывалось действиями царских властей: возведением на пахотных землях крепостей, устройством так называемых укрепленных линий с казачьими поселениями, постоянными мобилизациями местного населения на строительство дорог, крепостей, требованиями обременительных податей и выполнения тяжёлых повинностей, наконец, деятельностью назначенных в горские общества и владения царских приставов и комендантских управленцев, вмешивавшихся во внутреннюю жизнь горцев. Жестокие репрессии, применявшиеся царскими чиновниками по отношению к недовольным, – сожжение целых аулов, уничтожение посевов и запасов хлеба, истребление садов, массовый захват земли под казачьи поселения и имения царских генералов и высших чиновников – все это вызывало возмущение горцев и приводило к борьбе против царского гнета и местных феодалов.

Разорение горцев происходило настолько интенсивно, что уже в 1814 г. генерал Ртищев предупредил генерал-майора Дельпоцо, назначенного начальником Кавказской линии вместо генерала Портнягина, преданного суду «за ослушание и противозаконные поступки»: «Высочайшая воля есть, чтобы ни под какими предлогами не раздражать заграничных горских народов, но привлекать их к себе ласковым с ними обхождением и удовлетворением по возможности всех их нужд и требований; но я надеюсь, что в командование ваше войсками на линии не будет им подано никаких причин к неудовольствию. В случае же когда и за ласковыми с ними поступками они делать будут набеги в Кавказскую губернию, то недопускать их к тому и отражать силою оружия на самой границе, для чего войска расположить как возможно удобнее и наиприлежнейше иметь наблюдение, чтобы войска, на кордоне по границе поставленные, всегда были в строжайшей военной осторожности. Переходить же за границу не иначе как для преследования неприятелей и то тогда только, как без всякого сомнения успех над ними получить можно будет» [17, л.2].

При завоевании Северного Кавказа царизм применял самые жестокие, изуверские методы порабощения горцев: сожжение непокорных аулов, массовое уничтожение посевов, увод скота, захват лучших земель и пастбищ в пользу русских дворян и казаков, почти поголовные убийства и казни горского мужского населения в непокорных аулах. Главным исполнителем этой «зверской, волчьей» завоевательной политики был Ермолов, сторонник беспощадных мер в порабощении горцев. По его мнению, «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями». Целый ряд военных экспедиций Ермолова в районы Северного Кавказа приводил в неопишумый ужас местное население своей жестокостью. Непокорные аулы уничтожались до основания и на их местах возводились новые царские укрепления. Покорение Северного Кавказа царскими колонизаторами сопровождалось истреблением горцев. Ермолов и другие царские генералы разоряли дотла и превращали в пустыни заселенные места. В 1818 г. дагестанские аулы Ермоловым сравнивались с землей, огнем и мечом подавлялось движение горцев. Ермолов действовал в духе времени, по методу Цицианова, который многочисленные аулы превратил в развалины, истребив значительную часть населения. К народам Дагестана Цицианов обращался со словами: «Истреблю вас всех с лица земли, пойду с племенем и сожгу все, что не займу войсками. Землю вашу покрою кровью вашей и она покраснеет, и вы, как зайцы, уйдете в ущелья и там вас достану «буде от меча, то от стужи околеете».

Завоевание Северного Кавказа царскими войсками происходило методами военной колонизации и насильственного выселения местных жителей со своих земель. Эта политика была равнозначна физическому истреблению горцев. О жестокости царских колонизаторов свидетельствуют многочисленные документы. Вот один из них. «Взял я часть отряда победоносных войск, – писал Ермолов, – и пошел в самую родину его (Султан-Ахмедхана Аварского)... где с прочими подобными им лезгинскими мятежниками из разных мест к нему в

помощь пришедшими ... вздумал было защищаться, однако ж неустрашимым российским войском был он мгновенно разбит и скоро прогнан в горы. Часть его владений обратил я ... в пользу... шамхала Тарковского... истребил... деревни дженгутайские, в коих осмелились они поднять оружие против нас и вместе с оными предал я огню все дома и имения... Оных изменников никогда не будет на той земле и вечно скитаться будут в горах, ибо я весьма умею наказать изменников великого моего государя... С другой же стороны Дагестана пошел ген.-м. Пестель со своим храбрым отрядом в город Башлы, откуда прогнал всех изменников и совершенно истребил гнездо разбойничье, одним словом, в Башлах не осталось камня на камне и следы основания его совершенно изглажены» [19, л.63].

В то же время в Южном Дагестане действовал Мадатов. Он огнем и мечом прошелся по аулам Табасарана. Ожесточенные бои произошли у аулов Дюбек, Хучни, Ерси, Туруф и др. Ермолов был чрезвычайно доволен действиями Мадатова в Табасаране. «Целую тебя, любезный мой Мадатов, и поздравляю с успехом, – писал он ему. – Ты предпринял дело смелое и кончил его славно» [15, с.233]. Разрушив табасаранские аулы, Мадатов вновь занял Башлы.

Под аулами Урма и Леваши Ермолов нанес поражение горцам. В 1819 г. царские войска заняли Акушу. Аул оказался пустым, так как все его жители ушли в горы. Леваши и другие аулы были разорены и сожжены.

Везде царские войска наводили ужас и страх. Действия царских войск А.П. Ермоловым описаны следующим образом: «Во весь переход 20 числа декабря (1819 г.) не видали мы неприятеля; посланные в разъезд партии открыли, что жители из всех деревень, вывозят в горы свои семейства, угоняют стада. Конница наша взяла несколько пленных, отбила обозы и множество скота. В селениях находили имущество, которое жители спасти не успевали. Приказано было истреблять селения, и между прочим, разорен прекраснейший городок до 800 домов, Уллу-Айя называемый. Отсюда с такой поспешностью бежали жители, что оставили несколько грудных ребят. Разорение нужно было, как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание...» [9, с. 97–98].

В 1819 г. по указанию Ермолова были стерты с лица земли два дженгутайских аула и аул Янги-Юрт [2, с. 8]. В 1823 г. были до основания разрушены аулы Каранай и Эрпели с тем, чтобы, как говорил Ермолов, «не последовали примеру их другие» [3, с. 25].

Одной из главнейших мер политики Ермолова было взятие горцев голодом и измором. А.П.Ермолов писал: «Я не отступлю от предпринятой мной системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать свои стада. Доселе дерусь для того, чтобы иметь пути свои, потом будут являться войска, когда того совсем не ожидают, тогда приходиться станут войска, когда занят каждый работой и собираться многим трудно. Для драки не будет у них довольно сил, следовательно, случаи драки будут у них довольно редки, а голоду все подвержены, и он поведет к повиновению» [8, с. 75].

Методам расправы Ермолова с коренным населением Северного Кавказа следовали и остальные чины военно-административной власти царской России. Так, князь Бекович-Черкасский в одной из военных операций предал смерти 300 горских семейств, «из коих часть была женщин и детей» [9, с. 193].

С каждым годом гнет, произвол царских властей в Дагестане и Чечне продолжали возрастать. Царские власти совершенно не считались с нуждами и потребностями горцев.

Завоеватели чувствовали себя полновластными хозяевами, бесчинствовали и издевались над населением, не считаясь с местными нравами и обычаями. Горцы Северного Кавказа рассматривались царизмом как «издавна и окончательно» принадлежавшие царской России «народцы».

Царизм считал, что по отношению к «народцам» Дагестана и Северного Кавказа не может быть иной политики, кроме политики насилия. «Здесь между народами, загубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила!» [9, с. 193]. «Надобно наказывать горцев», «необходимо между ними пребывание войск и сей есть единственный способ смирить их» [13, с.209].

В Дагестане и Чечне была насаждена новая система управления, которая привела к дальнейшему ухудшению положения основной массы населения. Николай I поставил перед Паскевичем задачу «усмирения навсегда горских народов или истребления непокорных». Различные слои горцев протестовали против военно-феодальных методов управления.

С целью удержания горцев в покорности основные укрепления царизма располагались вблизи населенных пунктов. Эта мера должна была поставить местных жителей в полнейшую зависимость от представителей царской администрации и «не дозволить непокорным собирать хлеб и пасти стада на полях мирных аулов».

Царское правительство утверждало в Дагестане порядки, хорошо и давно известные в России. Об этом свидетельствует документ: «Настоящая система управления в дагестанских провинциях... сходствует с прежнею ханскою системою, которая основывалась на одном произволе ханов, которая прежде была без всяких форм, держала народ в постоянном угнетении ... хан располагал провинциею как собственностью и угнетал народ без умысла... В настоящее же время коменданты соединяют в себе все черты этой власти, от них налагаются все требования повинностей, они заведывают полицейскою частью в городе и провинции, по их распоряжению производятся следствия, под их представительством решаются следственные и тяжёлые дела, они делают раскладку податей. И при всей важности этой должности, при обширности власти и круга действий, коменданты не имеют определенных правил в руководстве, так же точно в этом отношении, как прежние ханы, они основывают все свои действия на собственных соображениях более или менее, но всегда произвольных. Те недостаточные формулы, которые теперь введены в управлении... более тяготееют народ, ибо не ограждают его от произвола...».

«Энергичные меры Ермолова, – сказано в документе, – вызвали в Чечне и в Дагестане восстание» [14, с. 30]. По словам С. Эсадзе, «одна из главных причин, заставившая соединиться всех мусульман в общую организацию, была система, принятая Ермоловым по отношению к мусульманским провинциям» [20, с. 34]. Ермолов натравливал одни народы на другие. Он «одних привлек к себе узами благодарности, других связал страхом и вообще придерживался политики, выражающейся словами: «разделяй и властвуй».

Никогда еще победитель не хозяйничал более грозно в стране побежденных, и в то же время никогда еще имя победителя не осталось в такой страшной памяти у врагов, как имя Ермолова у горцев. Ермолов внушал им такой ужас, что на Кавказе ему дали прозвище «чорта».

В 1829 г. Николай I направил ген. Паскевичу письмо, в котором говорится: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз – гораздо более важное – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

С завоеванием Северного Кавказа царизм приступил к окончательному лишению горцев пастбищ и пригодных к севу земель. У горцев отбирались самые лучшие земельные участки. К 1830 году в равнинной части Дагестана в пользу казны были отобраны лучшие земельные участки. Они приносили ежегодный доход императорскому двору 1300 руб. серебром [19, лл.34–35].

Отобранные в Каракайтаге кутаны в 1822г. давали казне ежегодный доход 329 руб. серебром [4, с. 310], а земли Дербента приносили казне в год 423 руб. серебром [19, л. 27]. Земельный фонд на территории Дагестана, принадлежащий казне, исчислялся в 180 тыс. десятин. Эти угодья присваивались генералами, военными и гражданскими чиновниками, казаками.

Горцы облагались непосильными налогами, подвергались поборам и многочисленным повинностям. Подати и повинности, отбываемые горцами, были чрезвычайно разнообразны. Горцы отказывались платить непосильные налоги. Царские генералы их взимали путем устрашения местных жителей. Так, ген.-м. кн. Эристов собрал с «лезгин без всякого выстрела как всю недоплаченную подать, так и пшеницу и ячмень». Подати с населения собирались не только деньгами, но и натурой (хлеб, ячмень, сено, масло, яйца). Сбор податей и повинностей обеспечивался применением вооруженных сил.

Согласно приказу Ермолова, дагестанским горцам запрещалось вести торговые сделки в Закавказье. Чтобы не быть голословными, приведем примеры. 31 марта 1819 г. Ермолов в письме генералу Эристову относительно приезжающих в Кахетию жителей Аварского ханства приказывал не давать им проезда, а кто «...представит начальству взятого аварца, имеет право воспользоваться его товаром и другим имуществом беспрекословно». В ноябре 1819г. был задержан караван, следовавший из Дагестана в Грузию.

Дагестанских горцев лишали самого необходимого для жизни – соли, хлеба, пастбищ. Везде конфисковывалось их имущество, а их сажали в тюрьмы или отправляли в Сибирь.

В своем предписании грузинскому губернатору в конце 1821 г. генерал Ермолов писал: «Поручаю в.с. сделать немедленно надлежащее распоряжение, чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи в Грузию; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как о именах тех, кому

онь принадлежат». Предписания аналогичного содержания были переданы начальнику Джаро-Белоканской области, начальнику Армянской области, дагестанскому военно-окружному начальнику и др.

Промыслы и ремесла приходили в упадок из-за таможенных препятствий и конфискации всех видов изделий.

Ген.-м. барон Вреде в рапорте командующему войсками ген.-л. Вельяминову писал: «Едущие туда и обратно останавливаются объездчиками, и ежели окажется у кого бездельная сумма в червонцах и серебре или кусок какой-нибудь материи, представляют в таможенную заставу, а сия отправляет в Баку в тамошнюю таможенную для взыскания узаконенных с него пошли, при том случается, что чиновники застав задерживают даже и тех их жителей, кои собственные свои произведения и изделия в своих границах перевозят из одного места в другое... И люди недостаточно торгующие собственными изделиями и произведениями оставляют свою малозначительную промышленность единственно потому, что употребляемые ими по сей обязанности издержки несоизмерны с состоянием торгующих и доводят их до убытка вместо приращения» [19, лл. 2–3].

Оппозиционно были настроены и мусульманские духовные лица. В некоторых обществах их влияние было достаточно значительным. Основная часть мусульманского духовенства Северного Кавказа была против присоединения края к царской России и ориентировалась на мусульманские страны. Со временем, когда Ермолов и другие царские генералы задались целью уничтожить на Кавказе все, что связано с исламом, враждебность духовенства еще более усилилась.

По словам генерала Паскевича, мусульманское духовенство «утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований Корана, ибо власть судная в землях, состоявших под влиянием России, ныне находится на попечении местного нашего начальства, а частью еще в заведении самих владельцев и старших обществ, покровительствуемых правительством нашим». В этих условиях представители духовенства призывали к восстанию и укреплению шариата.

Борьба против царской России в глазах горцев носила характер защиты своих духовных ценностей. Царские власти преследовали мусульманское духовенство. Поэтому недовольство горцев Дагестана и Чечни политикой царизма росло в связи с запретом мусульманам совершать паломничество к святыням в Мекку.

Горцы выступали против произвола и насилия колонизаторов. В одном из письменных обращений говорилось: «Вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого, напротив того словами вашими, и беками, находившимися при вас, мы были обмануты и через этот обман вы сделали над нами начальниками и влезли на голову нашего народа, обременяя нас несноснейшей тяжестью... Сверх того вами отняты были у нас места наши без согласия хозяев, словом: вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день превращен в ночь, в которой мы страдали долго, по неимению другой защиты. Наконец, теперь, находя желанного защитника, мы уже проснулись со сна и находим вас неблаговерными, а, следовательно, вы должны оставить места наши» [18, лл. 10–11].

В ходе завоевания Кавказа царизм применял методы, характерные для экспансионистской политики феодальных государств. Прогрессивно настроенный друг Пушкина и декабристов Н.Н.Раевский, резко осуждавший политику царизма, писал: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами...» [4, с. 310].

Отдельные выходцы из Дагестана выступали в защиту интересов горцев. В 1835г. дагестанец Мирза Магомедов, служивший в царской армии на Кавказе, представил командующему войсками генералу Розену записку относительно действий царских властей на Кавказе. Эта записка получила официальное название «Проект поручика Мирзы Магомедова». Ее автор полагает, что русские в своей политике на Кавказе имели бы большой успех («успели бы покорить независимые племена Кавказские»), если бы вникали в политическую и частную жизнь покоренных и соседних с ними народов, не нарушали их обычаев и воспользовались бы несогласием между различными классами населения – владельческими князьями, узденями, муллами, свободными горцами и рабами. Рабов, число которых, по мнению автора, велико и которые не имеют никакой собственности, весьма легко выделить, предложив им свободу и землю. Магомедов М. осуждал действия экспедиционных отрядов, забиравших бесплатно продовольственные запасы и тем самым возбуждавших недовольство горцев. Кроме того, он полагал, что с самого начала действий на Кавказе необходимо было принять меры к распространению земледелия, промышленности и

торговли и принуждать владельцев к тому, чтобы они побуждали подвластных горцев к земледельческому труду, созданию мануфактур и «заведению фабрик», что способствовало бы улучшению их состояния [12, с. 198].

Но царизм не прислушивался к трезвым голосам, советовавшим изменить отношение к горцам. Покорение Дагестана, сопровождавшееся уничтожением местного населения, справедливо охарактеризованное А.И. Герценом как «безумная война», в глазах проф. М.М. Блиева выглядит как «натиск хищных горцев» на русскую пограничную линию. По его мнению, будто экспансионистское движение горцев «вынудило царизм принимать оборонительные меры», и поэтому, считает он, борьба горцев не была антиколониальной и антифеодальной.

М.М. Блиев пытается обосновать старую антинаучную идею, будто дагестанские горцы жили набегами на своих соседей и тем самым обогащались, а это, в свою очередь, будто приводило к классовому расслоению и накоплению феодальной собственности. Он провозглашает набеги народов Дагестана на соседей чуть ли не атрибутом образа жизни горцев, что привело к складыванию системы горского экспансионизма. По его мнению, горцам чуть ли не генетически присущ экспансионизм, выражающийся в непрерывных набегах на соседние народы Закавказья и Северного Кавказа. Экспансионизм горцев М.М. Блиев считает одной из главных причин борьбы против колониального гнёта царизма. Концепция горского экспансионизма своими корнями восходит к дворянско-буржуазной историографии. Проф. М.М. Блиев – последователь исторически неверных, антинаучных суждений, имевших широкое хождение в донесениях царских генералов, в изданиях XIX и начала XX в.

В специальных исследованиях доказано, что в Дагестане задолго до XIX в. определяющими были феодальные отношения, а по данным М.М. Блиева, горцы Дагестана отброшены к периоду «военной демократии» и объявлены виновниками народно-освободительной борьбы, ставшей якобы следствием эксцессов переходного периода от военной демократии к классовому обществу. М.М. Блиев считает, что источником существования дагестанских горцев являлись не земледелие и скотоводство, а военная добыча, захваченная в хищнических набегах. Подобные антинаучные суждения не имеют под собой источниковую базу. Этим М.М. Блиев отрицает колониальный гнет в Дагестане и Чечне.

Как уже было выше сказано, такого мнения придерживались дворянско-буржуазные историки, которые также были подвергнуты справедливой критике еще И.И. Покровским, И.П. Петрушевским и др.

Объясняя причины движения горцев, буржуазная историография акцентировала внимание «на религиозном фанатизме горцев и ненависти к иноверцам». До недавнего времени и некоторые советские историки-кавказеды утверждали, что движение горцев было инспирировано султанской Турцией и английскими колонизаторами. Однако имеющиеся материалы убеждают в несостоятельности подобных утверждений.

Одним из спорных вопросов определения уровня развития народов остается необходимость выяснения места и роли земледелия в системе хозяйствования. Другой вопрос – это соотношение земледелия и скотоводства в хозяйственной деятельности горцев. Доминирующее положение скотоводства в экономике дагестанских народов в первой половине XIX в. настоятельно проповедует М.М. Блиев. По его мнению, скотоводство свидетельствует о низком уровне общественного уклада горцев, что противоречит имеющимся материалам.

В оценке уровня развития социальных отношений в дагестанском ауле М.М. Блиев повторяет взгляды дореволюционных историков. Выдвинутые «аргументы» не подкреплены ни новыми теоретическими положениями, ни фактическим материалом. Тезис М.М. Блиева, утверждающий, что народы Дагестана в первой половине XIX в. переживали период разложения родовых отношений, не только не проясняет вопроса борьбы горцев в 20–50-е гг., но и вносит путаницу в историю народов края. При характеристике уровня социально-экономического развития Дагестана в первой половине XIX в. необходимо учитывать специфику социально-экономического развития горцев Северного Кавказа. В начале XIX в. они находились на различных ступенях развития. Кроме того, следует взглянуть в ранние периоды истории. Важно иметь в виду, что в течение ряда веков народы Дагестана входили в состав Кавказской Албании, с распадом которой возникли раннефеодальные политические образования.

Для подкрепления своей точки зрения относительно уровня развития Дагестана М.М. Блиев одновременно ссылается на труды дореволюционных и советских авторов, хотя оценки дагестанского исследователя и дореволюционного автора по тому или иному вопросу не совместимы и различны. Так, например, характеризуя уровень развития «вольных» обществ

Дагестана, М.М.Блиев ссылается на М.М. Ковалевского и Х.-М. Хашаева, однако взгляды их по этим вопросам не совпадают. И чтобы обосновать свое мнение об архаичности социальных отношений Дагестана XIX в., М.М. Блиев опирается на работы проф. И.П. Петрушевского, написанные в 30-е гг. XX в., и на работы В.Н. Гамрекели, утверждавшего, что в XVIII в. союзы сельских обществ Дагестана находились на заключительной стадии разложения общинного строя.

Теперь несколько слов об изменениях, которые произошли в управлении дагестанскими владениями и обществами, а также о политике царизма в отношении правителей этих владений и обществ.

Царское правительство, проводя политику «разделяй и властвуй», постепенно ограничивало власть феодальных владетелей.

С присоединением к России между царизмом и дагестанскими феодальными правителями установились договорные отношения. Правитель утверждался царем, определялись его обязанности и права. Он становился подданным царя. Ханам и шамхалам были пожалованы чины, назначены денежные жалования. Во всех внешнеполитических вопросах они подчинялись главнокомандующему царской армией на Кавказе. Царизм лишал неугодных ему представителей местной феодальной знати права владения крестьянскими аулами. Эти аулы частью отдавались процарски настроенным ханам и бекам, а частью обращались в собственность государственной казны. Подати и повинности, взимавшиеся ранее с райятов и узденей в пользу местных правителей, стали поступать в царскую казну. В 1820 г. Ермолов, лишив власти уцмию, потребовал от каракайтагцев, чтобы «все доходы, кои принадлежали бывшему уцмию, как с родовых его имений, так и деревень по достоинству уцмию, плативших ему подать, должны отныне поступать в казну» [2, с.63]. Попытки местных правителей восстановить все права царизмом сурово наказывались.

Местные правители, опираясь на царские штыки, угнетали рядовых горцев, отбирали у них последнюю лошадь или быка, последний пуд зерна в счет налога. «Мы, – писал пристав А. Руновский, – способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей». С утверждением позиций царизма в Дагестане представители царской администрации при содействии местных ханов, беков мобилизовывали транспорт и население для строительства крепостей, мостов, других объектов, необходимых, чтобы окончательно покорить край. Об издевательствах над зависимым населением со стороны ханов, поддерживаемых царскими колонизаторами, свидетельствуют разнообразные материалы. Так, Аслан-хан Кюринский налагал на жителей ханства чрезмерные подати [5, с. 149], отбирал у своих подданных дочерей и менял их на чеченских и кабардинских лошадей. Многих кюринцев он казнил. Управление «замиренными» районами на Северном Кавказе осуществлялось теми же типичными военно-феодальными методами. Административная власть вверялась перешедшим на службу царизму местным феодальным владетелям или русским офицерам, именуемым «приставами». И те, и другие облагали население повинностями и податями по своему усмотрению, обогащаясь за счет прямого военного грабежа. В одном из официальных документов говорилось: «Повинности так обременяют народ, что не дают даже времени убирать с поля хлеб, почти все мужчины и скот заняты ими исключительно» [3, с. 350].

Осуществляя завоевание горцев, царизм старался найти опору у местной феодальной знати, а поэтому поддерживал ее эксплуататорские притязания в отношении горского крестьянства. Повсеместно на Кавказе царские чиновники раздавали местным феодалам всевозможные «охранные листы» и «билеты» на право владения общинными крестьянскими землями. Впоследствии даже царский наместник на Кавказе и родной брат царя Александра II – Михаил Романов вынужден был признать, что горские князья и ханы, «снискав доверие у русского начальства, обласканные им, отличенные чинами начали развивать значение полученных ими актов для ослабления права народа на землю и расширения личного своего права» [7, с. 24].

Неграмотным ханам и бекам присваивались офицерские и генеральские звания, выплачивалось постоянное жалование из царской казны, вручались награды и подарки. Пользуясь поддержкой царизма, местные правители еще сильнее угнетали подвластных им крестьян. Шамхал Тарковский бросал своих подданных в темную сырую яму, избивал их палками, выкалывал им глаза. Подобным образом наказывали своих подданных Аслан-хан Кюринский, Аглар-хан Казикумухский и др. О жестокости дагестанских правителей в отношении своих подчиненных даже палач А.П. Ермолов писал: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества. Вот образец нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество...» [6, с. 185].

Таким образом, утверждение владычества русского царизма на Кавказе сопровождалось усилением феодального угнетения трудящихся горцев. Поэтому, естественно, идея антиколониального протеста сливалась в их сознании с антифеодальными устремлениями. Выступая против царских колонизаторов, горское крестьянство восставало и против местных феодальных эксплуататоров, являвшихся опорой колониального режима, установленного царизмом.

Однако, поддерживая эксплуататорские права местных феодалов, царизм старался ограничить их политические привилегии. Некоторые из феодальных владетелей вовсе отстранялись от власти, в их владениях вводилось царское административное управление, другие сохраняли административно-политическую власть над своими подданными, но поступали под контроль царских военачальников. При этом последние, как правило, относились к местным правителям с великодержавным презрением, обращаясь с ними грубо и высокомерно, как со своими подчиненными. «Главноуправляющий Грузией» и фактический наместник царя на Кавказе генерал князь П.Д. Цицианов писал одному из местных владетелей – султану элисуйскому: «В тебе собачья душа и ослиный ум... Доколе ты не будешь верным данником великого моего государя императора, дотоле буду желать кровью твоею мои сапоги вымыть...» [1, с. 141].

Неудивительно, что многие из крупных феодалов Северного Кавказа были недовольны своим новым положением вассалов царя. К тому же их раздражало то, что с переходом в подданство России они лишались различных источников доходов.

Гнет царизма и произвол местных правителей разоряли горцев. По словам Ермолова, «подать, ежегодно вносимая крестьянами Кюринского ханства, по бедности жителей, не только отяготительна для истощенной земли, но даже при всей благонамеренности вернейшего из владетелей (Аслан-хана) не может быть собираема, от чего происходят недоимки».

Аслан-хан Кюринский, по словам Ермолова, «вернейший владетель царской России злодейским правлением утесняет подвластных, собирая с них тяжкие подати» [2, с. 8]. В 1821 г. жители 17 аулов Кюринского ханства просили сложить с них казенную подать. По поводу этой жалобы барон Вреде писал: «Ханство Кюринское, и при самых лучших урожаях, совершенно не в силах платить податей, на него возложенных» [19, л. 36].

На крестьянские массы была возложена также обязанность выставлять лошадей и конную стражу для охраны почты и проезжающих по казенным делам. Эта повинность получила название «чапарская повинность». Для выполнения разных работ и обслуживания воинских частей была установлена аробная повинность.

Крестьяне обязаны были нести дорожную, а также квартирную повинность, заключающуюся в предоставлении квартир для солдат и офицеров, а также административных лиц.

Царские власти натравливали одних владетелей Дагестана на другие. Происходившие «постоянные раздоры между этими владетелями представляли нам полные удобства к установлению нашего владычества», – говорится в официальном документе.

Фактически власть феодалов над зависимыми крестьянами усиливалась также значительно [11, с. 176]. Пользуясь покровительством колониальных властей, они увеличивали размеры податей и повинностей, захватывали общинные и крестьянские земли.

Всякое неповиновение ханам, бекам, не говоря о чиновниках администрации, автоматически оценивалось как «бунт», и тогда военно-административное командование считало, что «для них настала пора военных реакций», громких подвигов и щедрых наград.

В союзах сельских обществ накануне борьбы горцев происходила дальнейшая дифференциация узденей и сосредоточение основных экономических ресурсов в руках зажиточных узденей. Они диктовали свою волю и власть основной массе населения. Поскольку феодальным правителям Дагестана покровительствовала Россия, борьба зажиточных узденей была направлена против администрации царизма.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что царская администрация фактически превращалась в военно-политическую колонизаторскую структуру, которая создавала невыносимые условия для своих поданных, не считаясь с их положением. Расширились привилегии феодального класса, соответственно ухудшалось социально-экономическое положение народных масс, прежде всего крестьянства. В ответ на усиление двойного гнета и попытку самодержавия установить колониальный режим горцы поднялись на антиколониальную и антифеодальную борьбу. Не стремление порвать отношения с Россией, а именно оскорбленное чувство человеческого и национального достоинства, двойной гнет – причина борьбы горцев. Генерал Ермолов был жестоким и беспощадным проводником политики царизма на Кавказе.

Насильственное выселение горцев из плодородных, отгонных пастбищ, насаждение казачьего землевладения, жесточайшие военно-политические методы управления делами местного населения, издевательства над местными обычаями и традициями, бесконечные карательные экспедиции, поборы и угоны скота – все это заставляло людей подниматься на борьбу.

Ермолов на Северном Кавказе осуществлял свои идеи военной диктатуры, а жертвами стали горцы. Ермолов планировал полное уничтожение мусульманского населения Кавказа. Он до борьбы с горцами уничтожил их больше, чем их погибло в период борьбы. Даже сам Александр I в 1825 г. давал указания «оставить всякие мнения над безоружными, над женщинами и детьми», что свидетельствует о масштабах бесчеловечных акций, проводимых Ермоловым на Кавказе. Но эти указания не выполнялись.

Изложенный материал говорит не в пользу профессоров М. Блиева и В. Дегоева, авторов книги «Кавказская война», которые грубо исказили исторические, социальные и идейные корни борьбы. Политика царских палачей Ермолова и других на Кавказе ими изображена как вынужденная мера самозащиты от набегов и захватов чужеземцев.

Итак, главные предпосылки национально-освободительной борьбы горцев – жестокий колониальный гнет царизма, местных правителей, бесправие и обнищание трудового населения.

Царизм поработал народы Северного Кавказа разнообразными методами, из которых первое место занимали самые безобразные и нетерпимые способы колониального угнетения.

Зверства завоевательной политики царизма и применение им самых нетерпимых форм угнетения не могли не вызвать целого ряда крупных возмущений со стороны горцев против царизма и тех местных правителей, которые поддерживали царских сатрапов.

Борьба горцев Северного Кавказа была подготовлена социально-экономическим развитием края и не являлась чем-то неожиданным и инспирированным извне. Борьба широких горских масс против «своих феодалов» и колониальной политики самодержавия в XIX веке была закономерной и объективно прогрессивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Т. II. Тифлис. 1866.–879с.
2. АКАК. Т. VI. Ч.II. Тифлис, 1871. – 981 с.
3. АКАК. Т.VII. Тифлис, 1874. – 1020 с.
4. АКАК. Т. IX. Тифлис, 1887. – 917 с.
5. АКАК. Т.XII. Тифлис, 1895. – 986 с.
6. Архив князя Воронцова. Книга 37. М., 1890. – 472 с.
7. «Всеподданейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1863-1870 гг.» СПб., 1870. – 374 с.
8. *Ермолов А.П.* Письма. Махачкала, 1926. – 55 с.
9. *Ермолов А.П.* Записки с приложением. Ч. II. 1826-1827 г. М., 1868. – 440 с.
10. История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. – 659 с.
11. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006. – 519 с.
12. Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. II. Тифлис, 1912. – 427 с.
13. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I (1801-1839гг.) Махачкала, 1940. – 437 с.
14. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1907. – 427 с.
15. *Потто В.* Кавказская война. Т. II, вып. II, изд. II. СПб, 1888. 378 с.
16. *Фадеев А.В.* Дореформенная Россия (1800–1861 гг.). Изд-во МГУ, 1960. – 321 с.
17. Центральный государственный военно-исторический архив (далее – ЦГВИА). Ф.482Д. 151.
18. ЦГВИА. Ф.ВУА. Д. 6563.
19. ЦГИА Республики Грузия. Ф.2. Оп. I. Д. 648.
20. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. – 415 с.

REFERENCES

1. Akty Kavkazskoj arheograficheskoj komissii (dalee – АКАК) АКАК. Т. II. Tiflis. 1866.–879s.
2. АКАК. Т. VI. CH. II. Tiflis, 1871. – 981 s.
3. АКАК. Т.VII. Tiflis, 1874. – 1020 s.

4. AKAK. T. IX. Tiflis, 1887. – 917 s.
5. AKAK. T.XII. Tiflis, 1895. – 986 s.
6. Arhiv knyazya Voroncova. Kniga 37. M., 1890. – 472 s.
7. «Vsepoddanejšij otchet glavnokomanduyushchego Kavkazskoj armiej za 1863-1870 gg.» SPb., 1870. – 374 s.
8. *Ermolov A.P.* Pis'ma. Mahachkala, 1926. – 55 s.
9. *Ermolov A.P.* Zapiski s prilozheniem. CH. II. 1826-1827 g. M., 1868. – 440 s.
10. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza. Konec XVIII v.- 1917 g. M., 1988. – 659 s.
11. Kavkazskaya vojna: narodno-osvoboditel'naya bor'ba gorcev Severnogo Kavkaza v 20-60-h gg. XIX v. Mahachkala, 2006. – 519 s.
12. Kavkazskij sbornik. T. XXXII.ch. II. Tiflis, 1912. – 427 s.
13. Materialy po istorii Dagestana i CHEchni. T. III, ch. I (1801-1839gg.) Mahachkala, 1940. – 437 s.
14. Oчерki pokoreniya Kavkaza. SPb., 1907. – 427 s.
15. *Potto V.* Kavkazskaya vojna. T.II, vyp. II, izd. II. SPb, 1888. 378 s.
16. *Fadeev A.V.* Doreformennaya Rossiya (1800-1861 gg.). Izd-vo MGU, 1960. – 321 s.
17. Central'nyj gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (dalee – CGVIA). 482.D. 151.
18. CGVIA. F.VUA. D. 6563.
19. CGIA Respubliki Gruzija. F.2. Op. I. D. 648.
20. *EHsadze S.* Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom. T. I. Tiflis, 1907. – 415 s.